

БРЕСТСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ 1596 ГОДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ*

М.Г. ШУКАН, аспирантка Института государства и права НАНБ ©

В статье говорится об имущественном положении православной церкви в Великом княжестве Литовском после заключения Брестской церковной унии 1596 года. На основе анализа документально-правового материала дается правовая оценка смены собственника на имущество православной церкви с точки зрения законных и канонических оснований. В связи с тем, что переход имущества православной церкви к униатской церкви явился в первую очередь политическим ходом и находился в противоречии с существовавшим законодательством, а сам акт заключения церковной унии был противоканоничен, делается вывод о невозможности имущественного правопреемства. С целью дополнительного обоснования данного вывода путем сравнительного анализа рассматривается еще два гипотетических способа заключения унии (объединения и равноправия).

Брестская церковная уния 1596 года привела к существенному изменению правового статуса православной церкви в Великом княжестве Литовском, в том числе относительно ее имущественного положения. В результате заключения унии православная церковь фактически оказалась вне закона, лишившись при этом большей части храмов, монастырей и другого имущества. Такое положение сохранялось до 1632 года. Смена собственника происходила различными способами. Среди них – переход настоятеля церкви или монастыря в унию; издание соответствующих декретов королем, обладавшим правом патроната над большей частью храмов. Как правило, это сопровождалось судебными спорами, нередко – захватом имущества при сопротивлении православных.

Следует подчеркнуть, что в процессе перехода имущественных прав к униатам были нарушены такие законодательные акты ВКЛ, как Варшавская конфедерация, содержащая норму о передаче имущества православной церкви только «людям Греческой веры» [1, с.124], великокняжеские грамоты, подтверждавшие юрисдикцию православной иерархии (грамоты 1499 и 1511 гг.) [2, с.81], а также церковные каноны православной церкви.

С целью выяснения законности передачи имущества, принадлежавшего православной церкви, во владение униатов необходимо, прежде всего, исследовать правовые основания Брестской церковной унии. Юридическим основанием возникновения прав униатов на имущество православной церкви мог быть только факт правопреемства.

В то же время, переход юрисдикции православных иерархов к униатским в данной исторической ситуации не имел законных и канонических оснований, а являлся лишь политическим ходом.

В реальности факта правопреемства не произошло, поскольку Брестская церковная уния была делом церковных иерархов, а не всей полноты церковной. В 1596 году в Бресте одновременно состоялось два собора, принявших диаметрально противоположные постановления. На униатском соборе присутствовала лишь незначительная часть православных, да и то не являвшаяся представительным большинством. В основном это были епископы, не имевшие соответствующих полномочий. На православном же соборе решение принималось при участии уполномоченного представителя православной церкви (экзарха Никифора), а также большинства православного духовенства и мирян, что соответствовало каноническому принципу соборности. Учитывая тенденцию к клерикализации жизни Римской католической церкви, первый собор был каноничен, однако не по правилам православной церкви. Видимость законности ему была придана при помощи политического решения короля и Великого князя Жигимонта III. В данном случае произошла политическая подмена юрисдикции Константинопольского Патриарха на верховенство папы Римского. В грамоте 1594 года епископов-инициаторов принятия унии к Жигимонту III в контексте ее условий содержится просьба об аннулировании королем возможной анафемы со стороны греческих патриархов: «если бы Патриархи проклинали ... чтобы з ласки его королевской

* Статья поступила в редакцию 28 февраля 2006 года.

милости ничего не шло и такие листы силы не имели» [3, с.79–81]. Данная просьба хотя и была исполнена, однако не могла иметь силы вследствие того, что налицо был конфликт компетенций властей – духовной и светской, и Жигимонт III не являлся представителем духовной власти. Такое же освобождение от отлучения от церкви униатские епископы получили и у папы Римского в 1595 году [4, с.146–153]. Униатские епископы (в первую очередь, Ипатий Потей) использовали и другие способы оправдания законности своих правомочий. Например, они ссылались на якобы имевшее место существование униатской церкви и до 1596 года и утверждали, что великокняжеские грамоты, подтверждавшие права православной церкви относились именно к униатам, а не православным. Епископы претендовали на распространение этих грамот исключительно на них (униатов) как на полноправных субъектов, доказывая законность правопреемства своих полномочий.

Тем не менее, фактически на территории ВКЛ восточный обряд сочетался с подчинением православных иерархов и мирян Константинопольскому патриарху, а не папе Римскому. Об этом свидетельствуют связи православных епископов и мирян с патриархами. Например, сохранились копии патриарших грамот, утверждавших уставы братств, разрешающие основать церковь с правом патриаршей ставропигии, а также монастыри (Свято-Онуфриевский), которые, в свою очередь, подтверждались государственной властью, в том числе Стефаном Баторием [5, с.316], а также Жигимонтом III [6, с.79–85]. Итальянец Кампензе в 1524 году в письме к папе Клименту VII сообщает: «Россия, находящаяся ныне во власти польского короля, равно как и город Львов и вся часть Польши, простирающаяся на север и северо-восток от Сарматских гор, следует с непоколебимостью греческому закону и признает над собой власть Константинопольского патриарха» [7, с.165]. Кроме того, в 1589 году Жигимонтом III Константинопольскому патриарху Иеремии были даны грамоты на свободное управление и суд духовный над подданными Великого княжества «греческого закона» [5, с.317].

Тем не менее, Жигимонт III и Владислав IV подтверждали униатским епископам грамоты, в различное время адресованные православному духовенству. Например, грамоты 1499, 1511 годов, а также грамоту 1522 года Пинскому и Туровскому епископу о запрещении светским лицам строить церкви и монастыри без епископского благословения [8, л. 221об-223]. Таким образом, вышеуказанные королевские правовые акты искусственно распространяли свое действие на субъект, фактически даже не являвшийся правопреемником первоначального адресата. Верховная власть содействовала утверждению и

распространению унии. Ее поддержка была одним из пунктов государственной религиозной политики.

В современной научной литературе имеет место утверждение, что в деле введения унии роль государства, а особенно в лице его руководителя Жигимонта III, «была целиком пассивна» [9, с.24]. Однако факты убеждают в обратном, так как деятельность законодателя по изданию индивидуальных актов не является пассивной.

Кроме подтверждения «стародавних прав» православной церкви в пользу униатской, епископы, перешедшие в унию, просят у Жигимонта III отмены ставропигий братств (Львовского и Виленского), то есть требуют подчинения их только себе, на что получен положительный ответ. Король отменяет ставропигиальные права братств, которым ранее были выданы патриаршие грамоты, подтвержденные королевской властью. В 1596 году Жигимонт III признает недействительной жалованную королевскую грамоту Виленскому братству от 21 июня 1589 года [10, с.211]. Однако в данном случае, очевидно, что законных оснований отмены грамоты не было. Причиной отмены послужила политическая целесообразность, которая не может быть основанием законности в государстве. Заключение Брестской церковной унии полностью соответствовало политической линии государственной власти, которая не считала необходимым узнать настоящую волю своего народа. Данная позиция усматривается также из содержания грамоты, уведомлявшей православное духовенство ВКЛ о разрешении созвать Собор в Бресте, в которой указывается, что на Собор будут допущены только принадлежащие к унии [11, с.134–135]. Таким образом, предполагалось, что Собор будет носить формальный характер в силу того, что вопрос об унии для униатской иерархии и короля уже был решен. Политику короля в данном вопросе и его активную роль подтверждает и тот факт, что еще в 1595 году при назначении Григория Загорского на Полоцкую епископскую кафедру и передаче в его владение церковного имущества ставилось условие «звирхность отца папежа Римского ... признати и ему послушентство отдати, которое до того часу патриарху царгородскому неслушнне признавати и отдавати» [11, с.118–119].

Современные белорусские исследователи по-разному разрешают вопрос законности заключения самой унии и смены собственника на имущество православной церкви. Так, Л. Криштапович пишет, что «несправедливый и незаконный характер унии в отношении православной религии был очевидным...» [12, с.95]. И. Саверченко, рассматривая вопрос очередного требования православных в 1632 году о подтверждении им древних прав и привилегий (на них со времени заключения Брестской церковной унии претендовали

униаты), утверждает, что требования православных были справедливыми [13, с.61]. В. Конан же утверждает, что формально, по законам ВКЛ и в соответствии с условиями Брестской церковной унии униатские иерархи являлись законными руководителями «русской» церкви [14, с.58]. Полагаем, что акт заключения унии можно было бы считать правовым по формальным признакам, если признавать таковым любое решение, исходящее от государственных органов, даже не соответствующее сложившимся общественным отношениям. В Великом княжестве Литовском субъектом прав, закрепленных за православной церковью, являлась именно православная (а не униатская) церковь. Кроме того, заключение унии является актом общегосударственного масштаба. Кроме того, единственным основанием законности унии на тот момент являлось решение короля, однако по законам государства его власть была ограничена сеймом. Между тем, решения сейма по данному вопросу не было. В дальнейшем же при отнесении к компетенции сейма спорных вопросов между униатами и православными, он признавал законными обе конфессии. Следовательно, сейм косвенно не признавал униатов правопреемниками православной церкви.

Рассмотрим схему формирования имущества новой конфессии в зависимости от концепции проведения унии в жизнь.

Для изложения первого варианта концепции проанализируем понятийный аппарат относительно унии (*unio* (лат.) – соединять, сочетать; *unify* (англ.) – соединять воедино, объединить, консолидировать – объединить в единое целое [15, с.1052]). В данном понятии этимологически преобладающее значение имеет процесс объединения («один»), устранения различий. При такой постановке вопроса в отношении конфессий объединение должно коснуться и церковного имущества как материального базиса церкви. Следовательно, униатскими должны были стать как православные церкви, так и римско-католические костелы. Однако костелов данное событие не коснулось. Более того, в период существования унии православные церкви иногда перестраивались в костелы, особенно, если находились в пределах частных владений. Например, в 1598 году шляхтянкой Воровской был выдан фундуш на костелы, перестроенные из православных церквей в нескольких имениях [16, с.110–113]. Кроме того, римско-католическое духовенство продолжает оставаться привилегированным сословием в отличие от униатов с их так называемой «хлопской верой». Необходимо отметить, что прецедентов существования и, тем более, воплощения вышеописанного варианта объединения не было за всю историю существования христианских конфессий на территории различных государств.

Второй вариант. Из содержания акта Брестской церковной унии следует, что данное событие было не объединением, а присоединением православной церкви к римско-католической. Концепция присоединения стала именно той идеей, которая была реализована на практике. Главным государственным идеологом установления единой веры (которая должна быть исключительно римско-католической) и инициатором унии выступил Петр Скарга. Он утверждал, что различие в вере порождает внутривластные конфликты и его не должно быть в Речи Посполитой (Сеймовые речи). Линию П. Скарги поддерживал И. Потей. В присоединении, то есть подчинении православной церкви папе Римскому, он видел единственно возможный способ реформирования православной церкви в государстве. При этом И. Потей занимал позицию сохранения и развития национальной (старобелорусской) культуры. Центральной мыслью его концепции являлась идея согласия между православной церковью и римская католической. Однако, среди элементов плана реализации данной идеи были добровольные и принудительные средства принятия унии на основе убеждения, что не желавшие подчиниться папе Римскому православные оказывались вне закона. В глазах римо-католиков они были «схизматиками» (отщепенцами) – теми, с кем римско-католическая церковь вела религиозно-политическую борьбу [17, с.48].

Метод, присущий второй концепции, логически предполагал передачу имущества православной церкви, лишившейся защиты со стороны закона, униатам. В период распространения униатства основным и первичным способом формирования имущественной базы униатской церкви был перевод православных храмов и монастырей в унию, что полностью соответствовало концепции присоединения. Более того, православным запрещалось не только строить новые храмы (за исключением частных землевладений православной шляхты), но и совершать богослужения в «будках» или «шалашах» [18, с.160].

Наконец, рассмотрим третий вариант концепции. В соответствии с принципом веротерпимости, закрепленным в законодательстве государства*, униатская церковь должна была стать третьей конфессией. Православие и униатство, следовательно, были бы двумя различными конфессиями и, соответственно, это – различные субъекты с наличием разных объектов вещных прав на церковное имущество. Униатская церковь соответственно данному варианту должна была бы создавать собственный имущественный базис без привлечения имущества православной церкви.

К.К. Острожский предлагал вариант универсальной, а не локальной унии, то есть предполагалось участие всей Церкви, включая Константинопольского патриарха. Обращает внимание

* Варшавская конфедерация 1573 г. и Статут 1588 г.

тот факт, что князь требовал оградить имущественные права православной церкви [19, с.20].

История подтверждает невозможность использования церковных союзов в качестве орудия достижения государственного единства и возрождения национальной культуры, равно как и построение церковного союза при помощи политических средств, поскольку решение подобных задач социального регулирования возможно лишь при определенной гармонии государственно-церковных отношений, которая достижима путем разделения светской и духовной сфер.

Таким образом, следует подчеркнуть, что для перехода вещных прав на имущество православной церкви к униатской церкви не существовало как канонических, так и законных оснований. Кроме того, недопустимо ставить события церковной жизни в зависимость от национальных и политических интересов и разрешать церковные вопросы государственными, политическими средствами. Государственная и церковная системы могут гармонично сосуществовать тогда, когда они будут развиваться по своим внутренним законам. Данная проблема актуальна и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem xx. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. t. II. Petersburg, 1859.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1848.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. 1588–1632. СПб., 1851.
4. Документы, относящиеся к истории церковной унии в России / Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. XVI. Вильна, 1889.
5. Verificatia niewinności / Архив юго-западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. Ч. I. Т. VII. Киев, 1887.
6. Памятники, издаваемые временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском военном, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе. Т. III. отд. I. Киев, 1852.
7. Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. Книга 5. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
8. НИАБ, КМФ-18, оп. 1, д. 106.
9. С. Сеньк. Брестская уния: подведение итогов // 400 лет Брестской церковной унии (1596–1996): Критическая переоценка. Сборник материалов международного симпозиума. Неймеген. М.: ББИ, 1998.
10. Жукович П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб.: Типография главного управления Уделов, 1901.
11. Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. Изд. ред. Виленского вестника. Вып. 1. Вильна, 1866.
12. Белоруссия и русская цивилизация. Русь и Беларусь. Историческо-историографические этюды. Мн., 1999.
13. Саверчанка І. Апостал яднання і веры: Язэп Рудкі. Мн., 1994.
14. Брэсцкая унія 1596 г.: гісторыя і культура: Тэмац. зб. навук. прац / Брэсц. аб'яд. рэгіян. арг. Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына». Брэст, 1996.
15. Webster's New World Dictionary. Student edition. David B. Guralnik, Editor in Chief. New York, 1983.
16. Борьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватикану та унії (X початок XVII ст.) (Збірник документів і матеріалів. Київ: Наукова думка, 1988.
17. Падокшын С.А. Іпаціў Пацей: Царкоўны дзеяч, мысліцель, пісьменнік на пераломе культурна-гістарычных эпох. Мн., 2001.
18. Материалы для истории Полоцкой епархии. Ч. 1 / Сост. А. Сапунов. Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 5.
19. Криштапович Л.Е., Котляров И.В. Брестская церковная уния (прошлое и настоящее). Мн., 1996.

SUMMARY

In the article it is a question of property status of the Orthodox Church in the Great Duchy of Lithuania after the Brest union conclusion in 1596. The legal evaluation of the Orthodox Church property proprietor change from the legitimate and canonical grounds viewpoint is given on the base of the documentary material. In connection with the fact that the Orthodox church property transition to the Uniate Church was first of all the political course and contradicted with the legislation existing at that time, and the act of church union conclusion was against canon law, the conclusion of impossibility of property succession is drawn. For the purpose of complementary substantiation of this conclusion by means of comparative analysis two more hypothetical models of the union signing is considered (unification and equal rights).